

М. И. Сухомлинов

**Князь Петр Андреевич
Вяземский**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
М11

М11 **М. И. Сухомлинов**
Князь Петр Андреевич Вяземский / М. И. Сухомлинов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2015. – 40 с.

ISBN 978-5-458-55578-4

ISBN 978-5-458-55578-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чувствуемъ не латинцу, а галлу. Галльскій умъ съ своею веселостью самородною, съ своею на-смѣшливостью, быстрымъ уразумѣніемъ, имѣеть много общаго съ русскимъ умомъ. Никто изъ образованныхъ народовъ европейскихъ не понимаетъ французской сстроты, французской шутки, какъ мы понимаемъ ихъ на-лету. Ривароль говорилъ, что нѣмцы складываются (se cotisent), чтобы понять французскую шутку. Французскій театръ—нашъ театръ. Французъ общежителенъ, уживчивъ, и съ нимъ легко уживиться, онъ не злопамятенъ, но и не предусмотрителенъ: поговорка «день мой—вѣкъ мой» могла бы родиться на французской почвѣ, какъ родилась на нашей, и т. д.

Вяземскій зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и въ томъ числѣ латинскій, и былъ знакомъ съ литературами нѣмецкой, англійской, итальянской и римской.

Пятнадцати лѣтъ отъ роду Вяземскій поступилъ на службу, опредѣленъ юнкеромъ въ межевую канцелярію. Находясь при главномъ директорѣ межевой канцеляріи Обрѣзковѣ, во время пребыванія его, по дѣламъ службы, въ губер-

ниях: Пермской, Казанской, Нижегородской и Владимирской, весьма дѣлательно исполнять возложенную на него обязанность. Въ 1822 году Вяземскій вступилъ въ ополченіе, въ «московскую военную силу», и принималъ участіе въ бородинскомъ сраженіи, въ которомъ убиты подъ нимъ двѣ лошади. По окончаніи войны онъ снова числился при межевой канцеляріи до самаго переселенія своего въ Варшаву, гдѣ онъ состоялъ при Новосильцовѣ.

Живя въ Варшавѣ и вращаясь въ польскомъ литературномъ кругу, Вяземскій хорошо ознакомился съ польскимъ языкомъ и словесностью, и плодомъ этого знакомства былъ переводъ на русскій языкъ крымскихъ сонетовъ Мицкевича. Переводчикъ въ трудѣ своемъ руководствовался не столько художественными, сколько филологическими соображеніями, желалъ наглядно показать кровное родство языковъ русскаго и польскаго, и проложить путь къ сближенію двухъ родственныхъ литературъ.

По выходѣ изъ канцеляріи Новосильцова и послѣ долгаго, почти десятилѣтняго промежутка, Вяземскій снова появляется на служебномъ по-

прищѣ, именно въ министерствѣ финансовъ. Есть основаніе предполагать, что онъ опредѣленъ въ вѣдомство Канкринна отчасти съ тою же цѣлью, съ какою назначенъ былъ и въ канцелярію Новосильцова. Въ Варшавѣ онъ занимался переводомъ официальныхъ бумагъ съ французскаго языка на русскій; въ министерствѣ финансовъ, онъ долженъ былъ на первыхъ порахъ очищать дѣловыя бумаги отъ германизмовъ. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, говорившій порусски и неправильно и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, имѣлъ слабость считать себя превосходнымъ стилистомъ, и съ наивною самоувѣренностью утверждалъ, что никто лучше его не умѣетъ писать порусски, и что языкъ и слогъ Карамзина несвойственны духу русскаго народа. Вслѣдствіе этого Канкрину было не по сердцу назначеніе Вяземскаго, русскаго писателя, очевидно для редакціи бумагъ онъ видѣлъ въ этомъ назначеніи живой укоръ и явный знакъ неодобренія слога дѣловыхъ бумагъ, выходящихъ изъ канцеляріи министерства.

Въ министерствѣ финансовъ Вяземскій послѣдовательно занималъ мѣста чиновника особыхъ

порученій, члена общаго присутствія департамента виѣшной торговли, вице-директора департамента виѣшной торговли, управляющаго заемнымъ банкомъ и члена совѣта министерства. Но служба по вѣдомству финансовъ была вовсе не въ духѣ Вяземскаго, отъ юныхъ лѣтъ и до глубокой старости непитавшаго расположенія къ вычисленіямъ, счетамъ и цыфрамъ. Онъ самъ сознается, что если при немъ не было обмолвки въ итогахъ ни по департаменту, ни по заемному банку, то единственно потому, что Богъ спасаетъ невьянность

Въ іюнѣ 1855 года князь Вяземскій назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Авраамъ Сергѣевичъ Норевъ ходатайствовалъ о назначеніи князя Вяземскаго товарищемъ министра, «зная его съ давнихъ лѣтъ и убѣжденный въ его высокихъ душевныхъ достоинствахъ и основательномъ просвѣщеніи». Князь Вяземскій оставался въ должности своей до марта 1858 года, до назначенія министромъ Е. П. Ковалевскаго.

2-го сентября 1839 года въ собраніи российской академіи князь Вяземскій единогласно из-

бранъ въ дѣйствительные члены академіи. Академическимъ уставомъ назначенъ былъ трехмѣсячный срокъ для полученія голосовъ отъ отсутствующихъ членовъ. По минованіи срока и по полученіи голосовъ, 2-го декабря 1839 года состоялось окончательное, также единоголасное, избраніе князя Вяземскаго въ члены российской академіи.

Российская академія доживала тогда свои послѣдніе дни, и несмотря на то, что въ составѣ ея были такіе свѣтила литературнаго міра, какъ Жуковский, Крыловъ и Вяземскій, въ академической средѣ не замѣчалось живаго сочувствія къ литературѣ и ея движенію. Главныя усилія академиковъ, вторившихъ своему маститому президенту А. С. Шишкову, направлены были на корнесловы и на очищеніе русскаго языка и слога отъ чужеземной примѣси. О литературныхъ понятіяхъ, господствовавшихъ тогда въ российской академіи, можно судить по высказанному въ ней взгляду на различіе между писателемъ и академикомъ. Оно состояло, по мнѣнію членовъ академіи, въ слѣдующемъ:

Писатель употребляетъ иногда слова въ превратномъ смыслѣ, безъ дальняго о томъ размы-

шлепія академикъ возстаеъ противъ употребленія словъ, не соотвѣтствующихъ своему коренному значенію.

Писатели любятъ вносить въ языкъ чужеземныя слова, и вмѣсто *природа*, *престолъ*, *звѣздослове*, *чинъ*, *тискаряня*, *обзоръ*, *отвъсъ*, и проч., говорятъ *натура*, *тронъ*, *астрономія*, *рангъ*, *типографія*, *горизонтъ*, *перпендикуляръ*, и проч. Академики противятся употребленію подобныхъ словъ, видя въ немъ господство безразсуднаго навыка надъ разсуждающимъ умомъ.

Писатель для выраженія своихъ мыслей придумываетъ, пзобрѣтаетъ новыя слова, иногда хорошо, но чаще худо: академикъ смотритъ, нужны ли они и не забыты ли старыя.

Писатель горячъ; академикъ хладнокровенъ.

Академикъ въ академіи хозяинъ; писатель—гость.

Послѣднее Вяземскій исполнилъ въ точности онъ являлся въ Россійскую академію только гостемъ, и то чрезвычайно рѣдкимъ. Подсмѣиваясь надъ своимъ знаменитымъ сочленомъ по академіи, Вяземскій разсказываетъ, что на предложеніе

чаще собираться для совѣщаній Крыловъ отвѣчалъ: «разумѣется, кромѣ почтовыхъ дней», забывши, что онъ не въ провинціи, а въ Петербургѣ, гдѣ почта отходить каждый день. Князь Вяземскій, хотя и твердо помнилъ это, рѣшился, кажется, посѣщать академію также кромѣ почтовыхъ дней. Онъ былъ только въ двухъ-трехъ собраніяхъ, и именно тогда, когда бывалъ и Жуковский.

Съ преобразованіемъ россійской академіи въ отдѣленіе русскаго языка и словесности Вяземскій назначенъ ординарнымъ академикомъ академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Новымъ уставомъ полагалось въ отдѣленіи шестнадцать ординарныхъ академиковъ; въ число ихъ, вмѣстѣ съ княземъ Вяземскимъ, вошли. Жуковский, Крыловъ, митрополитъ Филаретъ, епископъ Иннокентій, Востоковъ. Каченовскій, Арсеньевъ, Плетневъ, Погодинъ и другіе ученые и писатели. Князь Вяземскій, будучи отвлекаемъ служебными обязанностями, и часто и надолго уѣзжая за границу, не могъ принимать постоянного участія въ академическихъ трудахъ и собраніяхъ; но онъ не разрывалъ своихъ связей съ

академією, сообщая ей свои произведенія, которыя были и останутся навсегда прекраснымъ вкладомъ въ нашу литературу.

Литературная дѣятельность составляла истинное призваніе Вяземскаго. Самая продолжительность ея есть уже фактъ и весьма рѣдкій, и весьма краснорѣчивый. Свидѣтели первыхъ шаговъ князя Вяземскаго на литературномъ поприщѣ давно уже сошли въ могилу или заживо похоронены представителями позднѣйшихъ поколѣній. Въ замѣчательномъ обзорѣ русскихъ писателей, вышедшемъ около двадцати лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ выдающихся сверстниковъ Вяземскаго былъ помѣщенъ въ числѣ умершихъ. Черезъ нѣсколько времени по выходѣ книги авторъ обзора получилъ отъ покойнаго писателя изъясненіе признательности за сочувственный отзывъ. Невольная ошибка произошла оттого, что истинный писатель давно не подавалъ о себѣ вѣсти въ литературѣ. Такая ошибка была бы невозможна въ отношеніи къ Вяземскому. Несмотря на то, что сверстники его давно уже покончили свои счеты и съ литературою и съ жизнью; несмотря на чувство своего одиночества

въ литературѣ, Вяземскій не переставалъ заявлять о своемъ существованіи, и въ словахъ его было столько жизни и силы, что какъ-то невѣрилось, что они идутъ отъ человѣка, родившагося еще во времена Екатерины.

При оцѣнкѣ литературной дѣятельности князя Вяземскаго никакъ нельзя упускать изъ виду, что онъ былъ современникомъ нѣсколькихъ поколѣній и направленій, и потому въ каждомъ изъ нихъ естественно и невольно искалъ связи и сходства съ тѣмъ, что ему предшествовало. Многія изъ явленій, слывшихъ и новыми и небывалыми, не имѣли яркой новизны для наблюдателя, умудреннаго опытомъ, напоминая собою еноее изъ того, что и родилось и умерло на-мго глазахъ.

Крайности сходятся — говорить пословица; они сходились и въ дѣйствіи на умъ нашего писателя, вызывая его на борьбу съ тѣмъ, въ чемъ онъ видѣлъ уклоненіе отъ истины и отъ вѣрнаго пониманія жизни и литературы. Вяземскій, жившій и дѣйствовавшій въ девятнадцатомъ столѣтіи, одинаково порицалъ и склонность пятиться назадъ, въ восемнадцатое

столѣтіе, и стремленіе перескочить, очертя голову, въ двадцатое или даже въ тридцатое столѣтіе. Въ молодости своей Вяземскому приходилось считаться съ литературными старовѣрами, которые удивлялись смѣлости писать трагедіи послѣ Сумарокова и называли святотатствомъ рѣшимость Карамзина писать исторію послѣ Елагина. Въ старости Вяземскій былъ свидѣтелемъ, отнюдь не равнодушнымъ и не безмолвнымъ, рѣзкихъ порицаній и обвиненія въ отсталости, направленныхъ противъ Пушкина и противъ современныхъ намъ писателей. Современникъ и отчасти предшественникъ Пушкина, Вяземскій не могъ безусловно подчиняться подобнымъ приговорамъ. Требовать отъ него такой покорности значило бы лишать его дорогой для каждаго писателя свободы мысли и слова.

Дѣятельность князя Вяземскаго, какъ писателя, весьма разнообразна. Отъ него остались, и въ печати и въ рукописяхъ множество стихотвореній, рядъ критическихъ статей, нѣсколько историко-литературныхъ изслѣдованій, большое количество записокъ и замѣтокъ, любопытныхъ и важныхъ по своему содержанію, и т. д.